

УГОЛОВНОЕ ПРАВО МЕЖДУ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ И НАКАЗАНИЕМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ С.А. БОЧКАРЁВА «ФИЛОСОФИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОСТАНОВКА ВОПРОСА. М.: Норма, 2019. 424 с.»

© 2019 г. С. Г. Чукин

*Санкт-Петербургский военный институт войск национальной гвардии
Российской Федерации*

E-mail: chukin_sergeri@hotmail.com

Поступила в редакцию 09.09.2019 г.

Аннотация. Автор в статье-рецензии размышляет над книгой С.А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса», вышедшей в издательстве «Норма» в начале 2019 г. Ценность данной работы, по мнению рецензента, состоит в том, что её автор, будучи специалистом в области уголовного права, берется за непростую задачу, целью которой является доказательство возможности и необходимости философской рефлексии оснований уголовно-правовой науки и уголовной политики, демонстрирует при этом уровень философской культуры, позволяющий эту задачу решить.

Ключевые слова: философия уголовного права, уголовно-правовая наука, уголовная политика, преступление и наказание.

Цитирование: Чукин С.Г. Уголовное право между преступлением и наказанием. Размышления над книгой С.А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса» // Государство и право. 2019. № 10. С. 43–48.

DOI: 10.31857/S013207690007184-4

CRIMINAL LAW BETWEEN CRIME AND PUNISHMENT

REFLECTIONS ON THE BOOK BY S.A. BOCHKAREV “PHILOSOPHY OF CRIMINAL LAW: STATEMENT OF QUESTION”

© 2019 S. G. Chukin

*St. Petersburg military Institute of national guard troops
Russian Federation*

E-mail: chukin_sergeri@hotmail.com

Received 09.09.2019

Abstract. The author in the article-review reflects on the book of S.A. Bochkarev “Philosophy of Criminal Law: statement of question”, published in the publishing house “Norma” in early 2019. The value of this work, according to the reviewer, is that its author, being a specialist in the field of criminal law, undertakes a difficult task, the purpose of which is to prove the possibility and necessity of philosophical reflection of the foundations of Criminal Law science and criminal policy, demonstrates the level of philosophical culture that allows to solve this problem.

Key words: Philosophy of Criminal Law, criminal law science, criminal policy, crime and punishment.

For citation: *Chukin, S.G. (2019). Criminal Law between crime and punishment. Reflections on the book of S.A. Bochkarëv "Philosophy of Criminal Law: statement of question" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 43–48.*

Возрождение в конце ушедшего столетия традиции философских исследований права, которая отличала российское правоведение на рубеже XIX – XX вв. и затем была предана забвению, сопровождалось лавинообразным потоком публикаций философско-правового характера. Большинство из них были посвящены общеправовой тематике и написаны или теоретиками права, философский кругозор которых ограничивается знаниями, полученными в студенческие и аспирантские годы, или профессиональными философами, имеющими весьма поверхностные знания о праве. И те, и другие считали, что связь между философией и правом ограничивается методологической и эпистемологической функцией первой и не затрагивает существа права. Причиной такого положения дел отчасти является то, что философия сейчас переживает очередной кризис идентичности, и правоведы пользуются, как правило, устаревшими философскими парадигмами, созданными для другой социокультурной реальности. За 20 лет философско-правового Ренессанса ситуация изменилась в лучшую сторону, однако интерес исследователей по-прежнему ограничивается общеправовыми проблемами. Приятным исключением из этого правила стала монография С.А. Бочкарёва «Философия уголовного права: постановка вопроса». Ценность данной работы состоит в том, что её автор, будучи специалистом в области уголовного права, берется за непростую задачу, целью которой является доказательство возможности и необходимости философской рефлексии оснований уголовно-правовой науки и уголовной политики, демонстрирует при этом уровень философской культуры, позволяющий эту задачу решить.

Гегель, следуя обычаю считать символом философии Сову Минервы, писал, что она появляется в сумерках, когда все краски поблекли и предметы выглядят одинаково серыми. Это напоминает работу философии, потребность в которой возникает во времена кризисов, когда действительность реализовала свой энергетический потенциал, когда её формы достигли возможной полноты и встал вопрос о путях дальнейшего развития. Пользуясь современным лексиконом, философию можно уподобить антикризисному менеджеру, которого призывают на помощь, когда внутренние резервы для решения проблем исчерпаны. С.А. Бочкарёв убежден в том, что современное российское уголовное право находится в состоянии системного кризиса, симптомы которого не только очевидны для специалистов, но и видны также всем причастным к нему. А этими «причастными» являются все граждане, поскольку уголовно-правовая реальность совпадает с социокультурной реальностью. Автор видит причину теоретической бесплодности

большинства попыток диагностировать проблемы данной отрасли права и предложить соразмерную концептуальную модель для ее преодоления в том, что эту причину ищут не там, где она действительно коренится. Смысл права вообще, и в частности уголовного права, – не в нем самом, а в той реальности, которая его порождает как один из своих модусов. Автор уверен, что только внешняя по отношению к праву смыслопорождающая инстанция в состоянии эту задачу выполнить. Такой инстанцией является философия: «Философский подход способен вывести ученого за пределы любого знания, помочь установить наличие в этом знании сформировавшихся традиций, при необходимости дистанцироваться от них и рассмотреть сложившиеся практики изнутри» (с. 20).

В представленной работе С.А. Бочкарёв обстоятельно рассматривает возможные точки соприкосновения философии и уголовного права, делая акцент на онтологическую сторону этой связи. Его в первую очередь интересует бытийный статус уголовно-правовой реальности, её метафизические параметры. Этим книга отличается от большинства философско-правовых исследований, в которых, как уже упоминалось выше, участие философии видится только в её методологической функции. Здесь автор намеренно или интуитивно следует тренду, наметившемуся в современной философии: в начале 2000-х годов она совершила радикальный поворот, названный «метафизическим»¹. Его лозунгом стало обращение (и возвращение) к реальности. М. де Ланда, К. Меияссу, Г. Харман и А. Тоскано, инициаторы этого поворота, считают, что на протяжении последних 200 лет философия рассматривала реальность как нечто вторичное, как коррелят познающего картезианского субъекта. Это соответствует кантовскому критицизму, которой отказал разуму в познании мира, каким он есть сам по себе независимо от этого разума, ограничив реальный мир его умопостижимым фрагментом. Иными словами, мир рассматривался как то, что мы о нем можем знать, и ничего более. Реалистический подход, напротив, предполагает автономии объектов по отношению к теориям, которые о них создаются и, вполне вероятно, могут оказаться ошибочными. С.А. Бочкарёв также связывает успех философской рефлексии уголовного права с метафизическим потенциалом философии: «С помощью метафизики сделана попытка определить пределы уголовно-правового взгляда и той реальности, с которой он себя связывает; оценить заново критерии, традиционно используемые субъектами уголовного права

¹ The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / ed. by L. Bryant, N. Srnicek and G. Harman. Melbourne, 2011.

для оценки преступности и наказуемости деяний; выявить степень их условности и приближенности, а в целом — способность выполнять поставленные перед уголовным правом задачи» (с. 22).

Приступая к анализу работы, мы надеемся на то, что её разбор позволит оценить состояние философско-правовых исследований права и определить возможные пути их дальнейшей разработки.

Монография состоит из введения и четырех глав, три из которых посвящены оценке положения дел в сфере уголовно-правового знания и анализу упущенных возможностей из-за недостаточного внимания к историческому и социокультурному контексту уголовно-правового бытия, а четвертая содержит авторское видение содержания и целей философской рефлексии уголовного права.

Не будем подробно рассматривать и оценивать содержание первой главы, где представлена авторская реконструкция истории философской концептуализации уголовного права. Отметим лишь общефилософскую эрудицию автора и его научную добросовестность, позволившую буквально «просеять» классические тексты и выявить в них уголовно-правовую проблематику. Особенно хорошо это видно в его анализе средневековой мысли, прозрениями которой, на наш взгляд, незаслуженно пренебрегают и философы, и представители других отраслей социально-гуманитарного знания.

Авторскому диагнозу современного состояния уголовно-правовой науки, которое он квалифицирует как кризисное, а также его причинам посвящена вторая глава монографии. Мы согласны с утверждением, что современное обществоведение в целом и правовая наука как его часть находятся в состоянии затянувшейся стагнации из-за того, что они опираются на устаревшие мировоззренческие ценности и несоответственный изменившейся действительности методологический инструментарий: «Самый главный недостаток (отечественного права. — С. Ч.) состоит в статичных мировоззренческих установках действующего права, которые основаны на классических теориях равновесия и готовы только к простому повторению производства тождественного» (с. 117). Главной онтологической характеристикой реальности, частью которой являемся мы сами, считаются её радикальная разнородность и отсутствие очевидных интегрирующих начал и механизмов. Это отражается в росте эмерджентности во всех сферах жизни (с. 114), как замечает автор, т.е. в появлении феноменов — непрогнозируемых, неожиданных, внезапных, с точки зрения исследователей, привыкших мыслить в категориях линейной каузальности. Известный американский публицист, экономист и трейдер Н.Н. Талеб, оценивающий

современность сходным образом, не случайно назвал её эпохой «черных лебедей»².

Лакмусовой бумагой, сигнализирующей о кризисе уголовного права, является, по мнению автора, его бессистемность, которая порождена засильем в среде его теоретиков «дружной школы логико-догматического апологетического направления» (с. 125). Главной чертой, отличающей философско-правовой дискурс от любого другого, является то, что право в нем изначально рассматривается не как нормативная система, но как атрибут человеческого бытия. В самом общем смысле право — это притязания человека на что-то на основании того, что он — человек. Иными словами, права имплантированы в человеческую сущность, и ошибочно рассматривать их как нечто внешнее по отношению к ней, как то, что даруется какой-либо внешней инстанцией, неважно — Бог это или государство. К сожалению, именно такую ошибку совершают многие авторы уголовно-правовых построений, пытающиеся говорить о преступлении и наказании, игнорируя проблему автономии человеческой воли, не рассматривая эти две категории как частные проявления фундаментальных философских понятий вины и ответственности. Одно из достоинств рецензируемой работы в том, что её автор этой ошибки избежал. Он считает уголовное право, являющееся разновидностью позитивного права, инстанцией, призванной защищать те самые атрибутивные права человека, которые неразрывны с его сущностью (с. 174—176). Открытым тем не менее остается вопрос о том, какие это права. На что мы, люди, имеем право? С.А. Бочкарёв отождествляет эти права с благами и в качестве одного из них называет целостность человека, общества и государства (с. 163). Автор уделяет большое внимание анализу «целостности» как общенаучной категории и как категории права, аргументируя этот интерес тем, что право по своей сути консервативно и выполняет охранительно-стабилизирующую функцию.

Оригинальны в этом отношении его рассуждения о связи права с революционными идеями и практиками, а также оценка изменившегося статуса идеи целостности в современном мире (с. 163—167). Всякие ли целостности являются ценностями, т.е. заслуживают ли внимания и опеки? Ведь вряд ли к ним можно отнести тотальные целостности, существующие за счет индивидов, которые приносятся в жертву ради их сохранения. Пожалуй, единственной заслугой постмодернистской философии, модной на рубеже тысячелетий, были уничтожающая критика такого рода систем и утверждение идеологии радикального онтологического плюрализма. Автор также далек от мысли, что целостность имеет смысл сама по себе: «В конечном счете, к какой целостности должны стремиться с помощью права человек и общество в целях

² Талеб Н.Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина и др. 2-е изд., доп. М., 2012.

самосохранения и развития?» (с. 169). Теоретической реакцией на постмодернистский плюрализм стала новая философия общества, в которой предлагаются формы и способы кооперации, исключающие насильственную интеграцию. Это — сетевые общества, ассамбляжи, множества, сборки, характеризующиеся подвижностью, полисубъектностью, децентрализацией. Но при этом указанные общности не перестают быть целостностями, не утрачивают своего системного характера. Просто механизмы обеспечения единства иные, чем в тотальностях. Здесь мы солидарны с выводом автора: «Наваждение плюрализма с множеством независимых и несводимых друг к другу начал или видов бытия — явление временное и переживаемое. Сегодня его нужно воспринимать лишь в качестве предвестника появления более сложного по своей организации целого и цельного» (с. 177).

Одну из задач работы С.А. Бочкарёв видит в том, чтобы использовать ресурсы метафизики для диагноза состояния уголовного права. Приступая к её решению, он обращается к категории «состояния», которая редко удостоивается внимания даже со стороны профессиональных философов. Между тем она как нельзя лучше подходит для установления границ, внутри которых объект обладает качественной определенностью и устойчивостью. И её же можно использовать для мониторинга состояния права, определив в качестве критерия устойчивости параметры, сохранение которых обеспечивает его идентичность. Автор ссылается на то, что в естествознании понятие «состояния» является ключевым при описании фазовых переходов. От себя прибавим, что на него обратили внимание и те из современных философов, кто использует для объяснения онтологического статуса объектов концепт эмерджентности.

Для того чтобы понятие «состояние права» работало в теории уголовного права, необходимы индикаторы, позволяющие оценивать это состояние как достаточное для сохранения правом своего статуса. Их поиск или создание — непростая задача, и она не может быть решена без участия философии, поскольку, как признает автор, затрагивает онтологическое, экзистенциальное, аксиологическое и эпистемологическое измерения уголовно-правового бытия (с. 189).

Безуспешность попыток философской рефлексии уголовного права С.А. Бочкарёв объясняет тем, что у его представителей существует стойкое предубеждение относительно возможностей философии. Впрочем, он не снимает вины и с самих философов, которые редко находят между собой согласие по базовым проблемам (с. 195). В разд. 3.1. «Предрассудки в восприятии философии» автор излагает свое видение сотрудничества этих двух дискурсивных практик, указывает общее в «операционных возможностях и качествах философской и уголовно-правовой мысли» (с. 200). Так, философия рассматривает конкретный,

единичный феномен как объективацию общего, его частный случай. Подобным же способом действует и уголовно-правовое мышление: нормы Особенной части УК РФ не должны противоречить положениям Общей части Кодекса, а если и этого оказывается недостаточно для принятия решения, правоприменитель обращается к Конституции РФ как к более общей инстанции. Заметим, что проблема статуса единичного, его онтологическое и эпистемологическое измерения и отношения к общему не так проста, как может показаться в этом примере.

Хотя философия и уголовное право оперируют одними и теми же понятиями, они не обязательно согласны по вопросам, касающимся их содержания и методологической ценности. Автор объясняет это расхождение различием целей уголовного права и философии: идеалом первого является стабильность, консервация существующего положения дел, тогда как философия рассматривает амбивалентность как нормальное состояние бытия (с. 204, 205). Соглашаясь в целом с этим суждением, хотим уточнить: философия считает идеальным состоянием бытия на онтологическом уровне не столько его противоречивость, сколько разнообразие и многообразие и стремится к поиску таких интегрирующих факторов, которые обеспечили бы их сохранность, не подрывая, конечно, единства и целостности. В этом смысле различие выступает как ценность и цель бытия. Полагаем, что и уголовное право может включить его в состав своих приоритетов.

Тот факт, что проблемы уголовного права усматриваются теоретиками и правоприменителями в факторах феноменального уровня, объясняется, по убеждению автора, в господстве эмпирико-позитивистской установки: она среди прочего исключает истину из числа целей познания, заменяя её соглашением между членами ученого сообщества по ключевым вопросам. Закономерным следствием этого является множество упрощений, послаблений и компромиссов, наиболее опасными из которых С.А. Бочкарёв считает политизацию уголовно-правовой науки, снижение ценностной нагрузки с правоприменения и замену справедливости как цели и ценности права — законностью. В качестве подтверждения своей оценки он ссылается на участвовавшее применение «особого порядка» в судебных разбирательствах (с. 221).

Не только у обывателей уголовное право ассоциируется с преступлением и наказанием; специалисты также полагают эти понятия ключевыми в теории и философии уголовного права. Тем более парадоксальным выглядит утверждение автора о том, что уровень познания отражаемых этими понятиями феноменов остается неудовлетворительным (с. 255). И это прямо сказывается на состоянии теории и практики уголовного права, поскольку преступление и наказание по умолчанию считаются в них

смыслообразующими понятиями. Автор справедливо замечает, что если для уголовно-правовой теории «защитенность» на них вполне объяснима, то философия уголовного права не может и не должна считать преступление и наказание первоначалами уголовного права (с. 261, 262). Эти первоначала находятся вне уголовно-правовой сферы – в истории, культуре, религии, философии, которые формируют представления о праве вообще и о праве на преступление и наказание, в частности. Представляются весьма уместными ссылки автора в подтверждение этой мысли на работы Э. Дюркгейма, А. Франка и С.И. Гессена. В поисках истоков преступления и наказания метафизика уголовного права отсылает нас на экзистенциальный уровень человеческого бытия, сущность которого образует свобода выбора. Первоначальная неопределенность этого выбора, незнание его последствий, т.е. неосведомленность о том, что есть добро, а что – зло, образуют онтологическую канву, без которой невозможно определение преступления и наказания. Согласие автора с такой оценкой подтверждают его слова: «сферу уголовного права образует экзистенциальная область крайностей человеческого бытия» (с. 271).

В поисках истины каждый камень должен быть перевернут. Следуя этой мудрости, С.А. Бочкарёв в четвертой главе монографии предпринимает попытку максимально эксплицировать потенциал философского измерения уголовного права. Основную надежду он возлагает, как уже отмечалось выше, на метафизический подход, однако признает, что теории уголовного права и практикующие юристы предпочитают «извлекать образы права из повседневного быта» (с. 289). Укоренившаяся в правовой науке еще в конце XIX столетия эмпирико-позитивистская модель и спустя столетия определяет содержание исследований. Это проявляется прежде всего в том, что ведущую роль законодателя отводят уголовной политике, которая, по их убеждению, в концентрированном виде содержит основные черты и тенденции уголовного права. Задача же теории ограничена их обобщением и систематизацией. В философии такая практика подвергнута критике Д. Юмом, который обосновал невозможность перехода от суждений о существующем к суждениям о должном. Этот принцип получил название «гильотина Юма». Результатом такого подхода стало то, что «наука уголовного права не получает доступа ни к фундаментальным основаниям этого права, ни к сфере метафизики, где другие отрасли знания в период глубочайших кризисов заново находят себя» (с. 294).

Считаем ценным замечание автора о бесперспективности попыток получить знание об уголовном праве посредством сбора и описания свидетельств о феноменальном уровне уголовно-правового бытия, выявления всех его детерминант – от антропологических до культурных. Без установления синтезирующего начала, этот эмпирический материал останется просто

грудой фактоподобных данных. А отыскать это начало возможно только средствами метафизики (с. 311).

Одним из метафизических ресурсов, авторитетным в философии XX столетия, является герменевтика, поэтому понятно желание автора задействовать её потенциал для познания сущности уголовного права. Обзор истории герменевтического метода и его современного состояния сделан очень обстоятельно, может быть, даже избыточно, однако оправданием может служить то, что аудитория, на которую рассчитана монография, включает людей, не слишком осведомленных в этой области философского знания. Автор видит точки соприкосновения герменевтики и науки уголовного права, иллюстрирует их примерами, один из которых связан с межотраслевым институтом «обстоятельств, подлежащих доказыванию» (ст. 73 УПК РФ), и отражает важность контекста в понимании и интерпретации культурных феноменов (с. 337).

Обращение к герменевтике позволяет увидеть проблемные места отечественного уголовного права, в частности отсутствие механизма, который обеспечивает его взаимосвязь с историей и социокультурной средой, которая его породила и подпитывает на всем протяжении существования. Функцию такого механизма, по мнению автора, выполняет институт присяжных заседателей (с. 347–349). Интересным и заслуживающим внимания представляется его мысль о том, что в качестве инструмента, поддерживающего диалогичный формат уголовно-правового измерения, может служить «модернизированный вариант института общественной опасности» (с. 350).

Как оригинальный и смелый шаг рассматриваем привлечение автором синергетики в качестве метафизического инструментария теории уголовного права. В среде ученых и философов до сих пор нет единства в оценке статуса этого направления, его возможностей и результативности. Уже то обстоятельство, что одним из ключевых концептов синергетики является хаос, должно отпугнуть представителя уголовно-правовой науки, признающей стабильность и порядок главными ценностями. Тем не менее С.А. Бочкарёв убежден, что современное российское уголовное право довольно долго пребывает в состоянии, близком к хаотическому, но опыт его функционирования в этих экстремальных условиях не стал предметом осмысления, в том числе из-за неспособности теоретиков использовать потенциал синергетики. Кроме того, синергетическая парадигма дает повод задуматься над тем, насколько безусловной ценностью для уголовного права является порядок. Поскольку порядок ассоциируется с нормой, а беспорядок – с отступлением от неё, автор приводит примеры, когда норма выступает дестабилизирующим фактором, в частности, когда политический и экономический уклады общества радикально меняются, а нормы права остаются прежними и, по сути, тормозят развитие (с. 367).

Еще одну точку приложения синергетики к уголовному праву автор видит в анализе иррегулярного поведения, которое в настоящее время стало самостоятельной криминальной силой, а уголовно-правовая наука и практика не приспособились к его профилактике и искоренению. Причиной этого, по его мнению, является то, что российское уголовное право не имеет встроенного в его структуру механизма динамического равновесия устанавливаемого им порядка. Отсюда вывод: «Уголовное право в равной мере предрасположено как к сохранению, так и к разрушению защищаемых благ, то есть к превращениям из положительного смысла в отрицательное значение при сохранении своей целостности» (с. 372). Представляется весьма перспективной дальнейшая теоретическая разработка этой идеи.

Непредсказуемость криминального поведения, явление и умножение «эксклюзивных» преступлений стали возможными в том числе и благодаря развитию Интернета, возникновению принципиально новой коммуникационной среды. Исследователь посвящает проблеме виртуализации уголовно-правового пространства завершающий раздел работы. С его точки зрения, уголовное право должно признать существование реальности, отличной от привычного для него физического мира, и найти адекватные ей формы и способы реагирования на преступное поведение, которое хотя и совершается в виртуальной среде, но имеет последствия, выходящие за его пределы. Это — непростая задача, поскольку в философии бытийный статус виртуальной реальности далек от определения, и публикации по этой теме, начиная с работ Делёза, отличаются туманностью и запутанностью. Тем не менее мы положительно оцениваем сделанные автором обобщения относительно перспектив использования знаний о виртуальной реальности в уголовно-правовой науке. В этой связи рекомендуем ему обратить внимание на акторно-сетевую теорию, которую её авторы, М. Каллон и Б. Латур, предлагают в качестве концептуальной основы для изучения социокультурных феноменов.

Сведения об авторе

ЧУКИН Сергей Георгиевич — доктор философских наук, заведующий кафедрой философских и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского военного института войск национальной гвардии Российской Федерации; 198206 г. Санкт-Петербург, ул. Л. Пилутова, д. 1

В заключение С.А. Бочкарёв подтверждает свою оценку состояния уголовного права как кризисного и видит главную причину в непонимании его теоретиками того, что «уголовное право — это прежде всего его субъекты, человек, общество и государство, а также те ценности и антиценности, которые их одновременно и объединяют, и разъединяют» (с. 390). Ситуацию можно исправить через философскую рефлексию этих смыслообразующих начал.

* * *

Полагаем, что работа С.А. Бочкарёва является заметным событием в российском уголовном правоведедении. Автор привлек внимание к незаслуженно игнорируемому философскому направлению в исследованиях уголовного права, продемонстрировал его потенциал и обозначил перспективные направления дальнейших изысканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочкарёв С.А.* Философия уголовного права: постановка вопроса. М., 2019.
2. *Тaleb Н.Н.* Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости / пер. с англ. В. Сонькина и др. 2-е изд., доп. М., 2012.
3. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / ed. by L. Bryant, N. Srnicek and G. Harman.* Melbourne, 2011.

REFERENCES

1. *Bochkarev S.A.* Philosophy of Criminal Law: statement of question. M., 2019 (in Russ.).
2. *Taleb N.N.* Black Swan. Under the sign of unpredictability / trans. with Eng. V. Sonkin and other. 2nd ed., additional. M., 2012 (in Russ.).
3. *The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / ed. by L. Bryant, N. Srnicek and G. Harman.* Melbourne, 2011.

Authors' information

CHUKIN Sergey G. — Doctor of Philosophy, head of the Department of philosophical and socio-economic disciplines of the St. Petersburg military Institute of the national guard of the Russian Federation; 1 L. Pilyutova street, 198206 St. Petersburg, Russia